

УДК 316.422(470+571)
УЗ4

Узлов Юрий Андреевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета
uzlov@inbox.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация:

В статье анализируются научные подходы к проблеме модернизации России. Классическая модернизационная теория рассматривает Запад как единственный образец для модернизации. Оптимальным является вариант национальной модели модернизации, когда на основе уже достигнутого уровня вестернизации – освоения западных образцов – государство обращается к нуждам национального развития, к задачам развития своего общества.

Ключевые слова: модернизация, вестернизация, глобализация, модели развития, многообразие, национальная модель.

Широкомасштабные радикальные трансформации, произошедшие в России за последнее время, в буквальном смысле преобразили ее социальный, политический и экономический облик. Отечественная экономика перестала быть закрытой и постепенно становится частью мировой экономической системы, которая, в свою очередь, характеризуется все более ускоряющимися темпами глобализации и интернационализации.

Развитие мировой цивилизации конца XX – начала XXI в. характеризуется неравномерным социально-экономическим, технологическим развитием. Английский философ Ричард Тарнас так характеризует сложившуюся ситуацию: «Перед нашим временем неотступно встает главный вопрос: продлится ли нынешнее состояние глубокой метафизической и эпистемологической неопределенности до бесконечности, принимая с течением лет и десятилетий более приемлемые или еще более безотрадные формы, является ли оно энтропийной прелюдией к своего рода апокалипсической развязке истории, или же оно представляет собой эпохальный переход к совершенно новой эре, несущей новую форму цивилизации и новое мировоззрение, принципы и идеалы которых в корне отличны от тех принципов и идеалов, что ранее побуждали современный мир двигаться по его драматической траектории» [1, с. 348]. Глобальные проблемы, вставшие перед человечеством, обуславливают необходимость выработки альтернатив морально, социально, экономически траекторий исторического пути цивилизации, переориентации всех видов жизнедеятельности человека, кардинального изменения мировоззрения, выхода за границы технократически ориентированных ценностей и идеалов.

В мировом контексте ценностными векторами, очерчивающими новые пути развития человечества, должны стать императивы экологической безопасности, социальной справедливости, демократического устройства, экономического благополучия. Научная мысль актуализируется на обращении к модели устойчивого развития человечества, которая включает экономические, экологические и социальные аспекты. Новая модель социального бытия ориентирована на обеспечение экономической жизнеспособности и самодостаточности и социальной справедливости.

Опыт последних десятилетий демонстрирует со всей очевидностью, что быстрое развитие технологий в современном мире изменяет стиль жизни общества, способствует расцвету частного сектора, быстрой урбанизации, при этом укрепляется гражданское общество, развивается демократия. Страны, которые воспользовались этими тенденциями, совершили скачок вперед, остальные остались в стороне от интеграции, их отсталость возрастет, неравноправное положение по отношению к другим странам углубляется.

Современная модернизация на фоне всеобъемлющей глобализации формирует либеральную цивилизацию во всемирном масштабе и прежде всего в институциональной сфере, ведущей к проницаемости границ национальных систем.

Рассматривая модернизационные процессы в глобальном масштабе, немецкий социолог Никлас Луман приходит к выводу, что «социальная система устанавливается, когда осуществ-

ляются аутопойетические отношения коммуникаций, которые отделяются от внешней среды системой через ограничение соответствующих коммуникаций» [2, с. 27]. Эту позицию разделяет Э. Соловьев, полагая, что социокультурная система неотделима от процесса познания, которая определяется открытостью коммуникационных каналов, связывающих систему с внешней средой, так как социокультурная система ограждается от внешней среды путем контроля, ограничения свободы передвижения в системах коммуникаций [3, с. 146]. Это ограничение применительно к национальной общности, локальному социуму в границах определенного государства.

В настоящей статье мы рассмотрим исторический опыт отечественной модернизации как фактор социокультурного развития российского общества. Как известно, Московское государство, Российская империя и Советский Союз ограничивали свои связи с внешней социальной, религиозной и культурной средой, что неизбежно приводило к замедлению культурной и социальной динамики российского общества. Консервативные традиции, их доминирование над инновацией, имеющей часто экзогенное происхождение, в течение длительного времени определяли развитие российского общества и государства.

Отечественная практика показывает, что имперская и либеральная модели модернизации практически всегда действовали параллельно, поэтому стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов соседствовало в нашей стране с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации. А желание сохранить достоинства национальной культуры с теми или иными особенностями социокультурной структуры входило в противоречие с процессом военно-административных преобразований.

Ю. Пивоваров, изучая проблему взаимодействия отечественной и западной цивилизаций, приходит к выводу, что западные ценности зачастую способствовали эрозии имперских оснований российской системы и подготовили почву для последующего всплеска либеральных настроений [4, с. 29].

В качестве доказательства подобного явления приведем высказывания известного отечественного критика XIX в. В. Белинского, который, сравнивая современные ему Москву и Петербург, отмечал, что в северной столице западное влияние привело к тому, что в быт простонародья вошли «кофе и сигары, которыми лакомятся мужики, а прекрасный пол... без кофею решительно не может жить; крестьянки Петербурга забыли национальную русскую пляску для французской кадрили, которую танцуют под звуки гармоники...» [5, с. 247].

Следствием выборочного западного заимствования явился образовавшийся разрыв между военно-техническим потенциалом и социальной жизнью российского общества. Что же касается повседневной жизни трудового народа, которую составляло крестьянство, оно во многом сохраняло патриархальный уклад.

Что могло повлиять на изменения жизни основной массы россиян XVIII – первой половины XX в.? В Российской империи новации происходили главным образом в результате имперских модернизаций. Этот процесс протекал как в виде субкультурных заимствований, так и в форме вынужденной адаптации тех или иных сторон социальной жизни к актуальным на данный момент задачам государственного строительства. Следование имперской модели модернизации не могло привести к изменению повседневной жизни россиян, так как модернизации подвергались преимущественно элиты российского общества и лишь в отдельные исторические периоды власть обращалась к реформированию государственной и общественной жизни в целом.

Россия – часть европейского мира, поэтому вполне естественно, что все новации приходили с Запада. При этом необходимо учитывать, что все создаваемые национальные проекты копировали в основном западные образцы, а адаптация привнесенных приемов происходила почти повсеместно без учета российского менталитета.

Интерес отечественной науки к проблемам модернизации возник на рубеже 80–90-х гг. прошлого века и был вызван изменениями в идеологии и мировосприятии. Социологи характеризуют это явление, как «определенное социально-психологическое состояние нации, народности, народа, граждан, запечатлевшее в себе результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета» [6, с. 94].

Россия – уникальная страна с самобытной культурой, необъятными просторами, территория, представляющая собой широчайшее континентальное пространство с преимущественно равнинным характером поверхности, суровым и жестким континентальным климатом. Специалист в области народонаселения К. Касьянова при анализе особенностей русского архетипа исходит из наличия двух основных принципов, характерных для любого общества и культуры. Это изменение и приспособление окружающей среды или сохранение и приспособление себя к ней. Первый принцип характерен для западноевропейской и производной от нее культур, а второй на уровне социальных архетипов реализуется на русской почве, в русской культуре [7, с. 64]

и русский человек выработал в себе терпение, которое достигается через внутренний самоконтроль, превратившийся в привычку.

С течением времени общественная жизнь все более усложняется. Многие экономические, политические и социальные процессы методологически сложно объяснить, и, тем не менее, их необходимо понять, как иррациональность и алогичность принимаемых решений. Одним из аспектов нашего анализа является та связь, которая существует между менталитетом народа и степенью развития общественных отношений, совокупность черт, которые чаще всего отмечаются в русском типе.

Индивидуалистическая традиция, для которой характерно рассмотрение как главной и первичной ценности индивида, а не общества или какой-либо социальной группы, не свойственна национальной традиции. Коллективизм является традиционной ценностью российского народа, который всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери [8, с. 17]. Поэтому любое проявление индивидуализма воспринималось как несправедное существование, потому и нетерпимое. При этом обострено чувство социальной несправедливости, оборотной стороной которого выступает уравнилительная и коллективистская психология, трудно поддающаяся воздействию извне.

Обязательная ориентация на определенного лидера, в этом проявляется не только желание уклониться от необходимости самостоятельно принимать решения, но также возможность переложить на него ответственность за все происходящее. Среда обитания создала необходимые предпосылки для автономности граждан, предоставив им возможность опираться на свои силы, надеяться только на себя. Произшедшие в обществе перемены в большинстве своем так и не затронули давно устоявшиеся привычки избегать в данном случае такой обременительной свободы выбора, им по-прежнему свойствен патернализм, который трактуется как ожидание отеческой заботы со стороны государства, выполнения им своих «родительских» функций. Этим объясняется, в частности, ностальгия многих граждан по жесткой власти, сильному лидеру.

Большее значение для объяснения основ русского архетипа при осуществлении модернизационных проектов имеет господствующая идеология. Для периода православия свойственна отчужденность от мира и аскетизм: «Природа русского человека сознается как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ» [9, с. 15].

Православие не считало накопительство, богатство благом для человека и оправдывало их лишь как возможность творить милостыню. Для сравнения, протестантская этика добродетелями называет те, которые полезны конкретному человеку для достижения успеха в своем деле.

Безразличие к собственности оформилось еще в начале прошлого столетия. Напомним, что главным лозунгом социалистической революции была ликвидация частной собственности, передача ее в коллективное пользование. Официальная идеология на многие десятилетия сделала понятие «собственность» чуждым для своих граждан.

Готовность к компромиссам является свидетельством развитости отношений в социуме. Несмотря на то, что человеку по природе своей как существу биологическому не свойственно уступать, мирным путем признавая превосходство кого-либо, современные общественные механизмы вовлекают его в цивилизованный мир, допускающий компромисс. Практика переговоров помогает достигать согласия на взаимовыгодных условиях. Это позволяет изменить ситуацию, когда «поиск компромисса, готовность к диалогу, согласию, сотрудничеству рассматривается русскими людьми скорее как проявление слабости, а не здравого смысла» [10, с. 238].

Русский ум не привязан к фактам, он больше любит слова на веру и ими оперирует. Этим объясняется склонность верить щедрым обещаниям и предложениям. Здесь уместно сказать о популярности и востребованности различных мифов, которые способны вносить гармонию в жизнь социума. Искусно обработанные стереотипы и формулы получают ту магическую силу, которая некогда приписывалась мифам. Могущество мифов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла [11, с. 42].

Каждодневная созидательная работа воспринимается как вынужденный ход из-за невозможности достичь всего и сразу. Вера в чудо, стремление положиться на «авось», – это все особенности русского национального характера. Стержнем традиционного и неосознаваемого мировосприятия является вера в благосклонность судьбы [12, с. 95].

Эти качества развились в склонность к авантюризму, рискованным, часто необдуманым действиям. В. Ключевский отмечал, что больше ни у одного народа не встретить такой привычки к размеренной, постоянной, каждодневной созидательной работе. Отсутствие бережливости проявляется как бесхозяйственность и отсутствие культуры потребления, нерачительном пользовании природными ресурсами и обывательской небрежности.

Сложилось так, что в нашей стране не являлись приоритетными цивилизованные методы общения разрешения конфликтов. В массах людей можно было вызвать крайние чувства и крайние меры, поэтому народ традиционно не склонен к полутонам и чаще выбирает между черным и белым, хорошим и плохим. Н. Бердяев объяснял сочетание противоположных черт в русском национальном характере «мучительной историей» страны. Это связано с тем, что в сознании господствуют одновременно несколько различных подходов, несколько точек зрения по наиболее важным, ключевым проблемам. К примеру, этим отчасти характеризуется старшее поколение, долгие годы жившее при тоталитарном режиме.

В российской цивилизации огромную роль играют традиционные начала: соборность, коллективизм, служение своему народу, приоритет общественных интересов над личными заботами – все это существенные черты отечественной культуры. В качестве основных составляющих характера русского человека называются терпение, открытость, эмоциональность, общительность, свободолюбие.

Военная слабость государства всегда является следствием «потерянного времени» в социальной, политической, экономической областях. В России была архаичная организация хозяйства и зависимость крестьян. Власть понимала, что безропотная покорность людей, доходившая иногда до изумительного самозабвения, слабеет с каждым поколением, а народ стал «сильно портиться» [13, с. 95].

Экономическое и хозяйственное развитие России в начале XVIII в. было тесным образом связано с эпохой великих петровских реформ. Поставленные царем Петром задачи по преобразованию всех сторон жизни российского общества требовали значительных изменений в формах и способах производительной деятельности и распределения продуктов производства [14, с. 87–188].

В экономике, политическом строе, функциях органах власти, в классовой и сословной структуре населения, культуре произошли изменения. Решение Россией петровского времени ряда взаимосвязанных задач внутренней и внешней политики отразилось не только на жизни всех слоев населения [15, с. 10–11].

В середине и второй половине XVIII столетия происходили изменения в сословной структуре населения: росло число помещичьих крестьян, появлялись так называемые «экономические» крестьяне, «войсковые обыватели», работные люди. В условиях господства феодально-крепостнической системы сохранялось деление общества на множество сословных групп, отличавшихся друг от друга характером землевладения, размерами платежей в пользу государства, различием в повинностях, в правовом положении.

В феврале 1861 г. в России объявили о проведении «Великих реформ», страна оказалась последней крупной европейской державой, которая отказалась от института крепостного права. Однако феодализм, в лице общины сохранился. При этом на всех уровнях доказывалось, что это община – это особый русский путь, русский дух, национальная идея [16, с. 64].

Последовавший поток инноваций, буквально захлестнувший страну, вызвал одновременно и критическое напряжение культурно-цивилизационной системы, хаотизацию социокультурного пространства, привел к началу формирования альтернативной либерально-буржуазной системы. Естественно, что эти процессы вызвали острое сопротивление феодально-имперской системы, приведшее к отторжению либеральных ценностей.

Среди всего комплекса проблем, совокупности характеризующих облик российской экономической системы, важное место занимает решение задач модернизации, утверждения нового типа предпринимательства и предпринимателей, создание условий свободной конкуренции и конкурентной среды. Это сложные и многоплановые вопросы, без которых невозможно было понять суть происходящих в российской истории социальных, политических и экономических процессов.

При проведении российской модернизации конца XIX в. поведение русских предпринимателей можно охарактеризовать как чувство долга и личной ответственности за судьбу Отечества, побуждающее их «хозяйствовать из понимания общей, общественной пользы, а не только личной выгоды» [17, с. 85]. Стремление к богатству, материальному благополучию объяснялось необходимостью достижения более высокого уровня качества жизни. Именно в качестве жизни народа выражается полнота понятия ценности хозяйственных отношений. Следуя национальной традиции в структуре народного богатства, четко различаются два элемента: материальный и духовный.

Обратим внимание на такие грани русской ментальности, как равенство и социальная справедливость, отношение к частной собственности, к деньгам и богатству вообще. Социальное неравенство всегда болезненно воспринималось в русской народной ментальности. Образ предпринимателя, складывающегося в сознании людей, – это образ эгоистичного человека,

стремящегося исключительно к собственной выгоде и накоплению богатств, «делающего деньги» ради денег. Мало, и сегодня кто верит в благородный образ предпринимателя. Чем ниже уровень жизни простого населения, тем негативнее отношение к предпринимателям.

Феодальная Россия была напугана либеральными проектами. Как же отнеслись государственные крестьяне к попыткам правительства реорганизовать крестьянскую жизнь, сделать ее более свободной, когда «сначала была реорганизована опекавшая их административная система, чтобы „заставить их быть свободными“, потом попробовали ввести сельскохозяйственные улучшения. Факты говорят о том, что крестьяне в своей массе оставались пассивными, безразличными, иногда даже бунтовали» [18, с. 13].

Размышляя о европейских либеральных веяниях, еще на заре эпохи Просвещения Екатерина II писала, что революции приводят к усилению власти, а не к ослаблению, и они вспыхивают тогда, когда народ опасается безвластия, а не когда страдает от деспотизма [19, с. 196]. В 1888 г. после светлых надежд и кипучей деятельности, наполнивших собой эпоху реформ, наступили годы полного и горького разочарования. Светлые надежды не сбылись, победное шествие российских реформ остановилось [20, с. 220].

Обратимся к философским сочинениям П. Чаадаева по поводу очередных российских модернизационных проектов по западным образцам: «Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. В России все исчезает, все течет, не оставляя следов ни вовне, ни в нас. В домах наших мы как будто в лагере, в семье имеем вид пришельцев, в городах вид кочевников. У нас нет идеи долга, справедливости, права, порядка, царит лишь бессмысленность жизни без опыта и предвидения...» [21, с. 15–34].

К концу XIX в. в годы царствования Александра III у власти хватило сил лишь на антитеррористические акции, наведение порядка, но радикально обновить имперскую идеологию, чего требовали задачи очередного этапа модернизации, она не смогла. Страна в очередной раз столкнулась с необходимостью радикальных преобразований, обусловленной все большим ускорением исторической и социокультурной динамики европейской цивилизации.

Глобальная задача по созданию эффективного, жизнеспособного симбиоза феодально-имперской и либерально-капиталистической системам, оказалась неразрешимой. М. Вебер, говоря о России начала XX в., писал, что «страна, еще каких-то 100 лет назад напоминая своими наиболее укорененными в национальной традиции институтами монархию Диоклетиана, не может найти такую формулу реформы, которая имела бы местные „исторические“ корни и была бы при этом жизнеспособной» [22, с. 126].

Время глобальных модернизационных преобразований ускорялось, а возможности адаптационного развития российской монархической системы приближались к своему истощению. Впереди были годы первой русской революции и второе испытание для империи – Первая мировая война. В царствование Александра III и Николая II основная часть важнейших для страны исторических задач не решалась, они загонялись вглубь, что увеличивало их будущий разрушительный потенциал.

Приверженность последнего российского императора Николая II консерватизму, стремление действовать в рамках, задаваемых российской социокультурной традицией, причем не только в сфере властного управления, но и в повседневной жизни, непонимание динамично изменяющегося европейского мира привели империю к катастрофе. Радикальная часть российского общества полагала, что самодержавная империя не имела шансов пережить войну [23, с. 60].

Крушение империи затронуло все российские сословия, это был первый в XX в. цивилизационный срыв России. В годы первой русской революции страна подошла к очередному историческому выбору, предполагавшему либо принятие европейского пути развития и, соответственно, использование модели либеральной модернизации, либо продолжение феодально-имперской линии развития. Россия склонялась ко второму варианту.

Российские деревни, которые зимой заносило снегом так, что между ними не было никакого сообщения, с трудом можно было назвать обществом в собственном смысле этого слова, здесь вполне явная историческая аналогия с развитием европейского феодализма. В обществе, где торговля мало что значила и деньги были редкостью, когда ячейки общества уплотнились, а обращение товаров и денег стало более интенсивным, процесс экономических связей, торговых контактов, упрочения денежных отношений не успел достигнуть зрелых форм, не успел радикально изменить среду обитания крестьянства [24, с. 134–135].

Исторические катастрофы, которые случились в России в XX столетии, произошли из-за слишком долгого и упорного стремления власти сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность. Социокультурная динамика в рамках западной цивилизации требовала стремительной реакции. Слишком долго российская власть и общество пытались найти рецепты ответа в традициях прошлого, использовать старые механизмы и социаль-

ные институты. То, что в Европе вызревало в течение столетий, в России делалось быстро, в течение пяти-пятнадцати лет. Когда правительство, вместо того чтобы вести народ путем постепенных улучшений, останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстывать потерянное время [25, с. 509].

На очередном, советском этапе модернизации решались исторические задачи, которые уже давно были решены в Европе. Советский Союз сумел возродить империю на принципиально новых идеологических основаниях. Из трех великих империй, существовавших в Европе во времена Первой мировой войны, только России предстояло выжить. Марксизм-ленинизм стал наследником царской империи [26, с. 20].

Установление советской власти в России предполагало победу самого динамичного и современного на тот исторический момент западного политико-экономического учения – марксизма. Но марксизм столкнулся в России с пластом архаической жизни, тысячелетней культурой крестьянства, сохранившего в своих обычаях и преданиях нечто от незапамятных времен» [28, с. 87]. В этой связи «советский староста» М. Калинин сделал весьма примечательное замечание о том, что народы Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и власть должна соответствовать крепостному [27, с. 126].

Эмигрантский историк Н.Н. Алексеев писал, что в октябре 1917 г. в России победила «демократия первобытная, кочевая, политически аморфная, полуанархическая» [29, с. 12]. Действительно, марксизм на российской почве сумел сохранить преимущественно внешнюю форму, потеряв внутреннее содержание, и в такой форме, стать идеологическим оформлением социализма. Большевики пытались на практике реализовать западные идеи. Марксизм заменил советскому человеку философию, науку и религию.

В чем же состояло своеобразие советской модернизации? Оно было в значительной степени обусловлено, как мы уже отмечали выше, особенностями менталитета русского народа. В своем вызове остальному миру, в своей запредельности, желании дойти до самого края и заглянуть в бездну русская революция была действительно русской. «Большевизм – дитя азиатской бескрайности – сидит в каждом из нас, русских, в той или иной степени», – писал В.В. Шульгин [30, с. 146].

Советская политическая система смогла возникнуть и укрепиться именно потому, что выражала объективные потребности общества. Прежде всего, это была потребность в «собрании русских земель», в прекращении распада государственности и усилении центральной власти. Н.В. Устрялов справедливо заметил, что имперская идея представляет собой именно ту скрепу, которая может соединить вместе «красных» и «белых» патриотов. «Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же – во имя великой и единой России при всем бесконечном различии идеологий, практический путь – един...» [31, с. 402].

На практике советская модернизация разрушила одни основы общества, но создала другие, сохранив многие, не всегда позитивные, компоненты традиционной России и перенеся их в новую систему. Произошло вытеснение адаптационных социальных, хозяйственных технологий, выработавшихся крестьянством в течение многих тысячелетий, в локальную, маргинальную сферу, не гарантирующую ничего, кроме минимального уровня физического выживания. Экономист Е.Г. Ясин полагает, что «нас в новых формах, с новыми словами погрузили в еще больший феодализм, который взял на себя миссию вырвать Россию из отсталости, построить передовую индустрию... феодальными методами» [32, с. 67]. А отсюда, по его мнению, во многом проистекает и террор, который имел не только идеологическое обоснование, но и представлял собой попытку, используя крайние формы насилия, привить человеку некий нравственный императив. По нашему мнению, данная точка зрения представляет собой крайнюю позицию 90-х гг. и не в полной мере соответствует действительности.

Исторически сложилось, что в русской социокультурной системе доминируют внешние формы контроля над личностью, а самоконтроль личности не стал преобладающим ни в царской, советской и постсоветской России. Нам больше импонирует точка зрения господина А.С. Изгоева, который высказал ее еще в годы гражданской войны: «Русскому народу... только такое правительство и нужно, другое с ним не справится. Вы думаете, народ вас (то есть кадетов) уважает. Нет, он над вами смеется, а большевика уважает. Большевик его каждую минуту застрелить может» [33, с. 113]. Картину дополняет С. Португейс в книге «Пять лет большевизма»: «...В рыхлую, нестойкую среду ворвалась бешеная индустриальная горячка с ее военно-террористической хваткой... а главное с вовлечением в индустриальное пекло огромных толп мешанства, деревенщины, толкаемой разорением и боязнью мобилизации прямо в пасть индустриального Молоха, который потряс этих людей до самых основ их душевного и умственного строя... Взбаламученное море социальных отбросов, классовая крошка и мешанина, больное, в сущности, поколение, страдающее припадками психических эпидемий... В этом сказался ге-

ний большевизма, что он сумел подчинить себе это военно-социальное месиво, сделав его больной, исковерканную душу, его жадную нищету и нищенскую жадность исходным пунктом „социалистической революции”» [34, с. 152].

Отечественные и зарубежные исследователи в своем большинстве сходятся во мнении, что советская модернизация во многом проводилась по образцу петровской, тот же высокий уровень абсолютизма, где каждое прямое указание или полускрытое пожелание вождя не подлежит обсуждению, а выполнению. На новом этапе исторического развития воспроизводится бесправие подданных, мобилизационный принцип централизованной концентрации ресурсов на выбранных направлениях, заимствование западных технологий, когда сотни заводов покупались в полной комплектации. Все великие стройки довоенных пятилеток работали на зарубежном оборудовании, однако импорт передовых западных технологий сопровождался жесточайшей фильтрацией сопутствующих технологиям инкультурных элементов.

Советская модернизация была примечательна еще и тем, что это последняя относительно удачно проведенная модернизация в рамках имперской системы, в смысле решения тактических задач текущего исторического момента. Задачи эти состояли в том, чтобы успешно противостоять Западу в военно-политическом соперничестве.

После И.В. Сталина руководство страны стало перед выбором перехода к либеральной модели модернизации или продолжением осуществления имперского проекта. Период правления Н.С. Хрущева не стал исключением. С одной стороны, разоблачение культа личности и репрессий, с другой – подавление венгерской революции 1956 г. Однако отдельные элементы либеральной модели модернизации имели место в Советском Союзе в послевоенные годы.

И все же можно смело утверждать, что в период правления от Хрущева до Горбачева модернизационная модель, как фактор социокультурного развития общества запущена не была. Либеральная модель модернизации не могла быть задействована по причине доминирования имперской модели.

Спустя десятилетия после бурной эпохи Б.Н. Ельцина мы сходимся во мнении, что за годы советской власти были решены важнейшие задачи, стоявшие перед Россией. В кратчайшие сроки были осуществлены индустриализация, урбанизация, совершен демографический переход, достигнут невероятный прогресс в обеспечении всеобщей грамотности, в медицине, социальной сфере вообще.

Долгие десятилетия мыслители русского зарубежья писала о том, что ждет Россию после большевиков. «Внезапное падение советской власти, - предсказывал Н.А. Бердяев, - без существенной организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, составляло бы даже опасность для России и грозило бы анархией» [35, с. 120]. О возможности погружения в хаос военных конфликтов и смуты предупреждал И.А. Ильин. В качестве возможного варианта он видел введение на короткий период времени национальной диктатуры. Если такая диктатура не сложится, то «в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвратов, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия» [36, с. 29].

В конце XX в. закончилась советская эпоха. Что изменилось? Поражение в холодной войне ознаменовало конец мирового противостояния различных социальных систем, что означало конец глобального соперничества либеральной и имперской цивилизационной моделей. Радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики современного мира вызвало все возрастающую неопределенность, увеличивая тем самым возможную вариативность развития мировой цивилизации в целом, так и его отдельных культурно-исторических ареалов.

Россия вступила в XXI в. Сформировалось поколение граждан, первичная социализация которых прошла в условиях относительной свободы. Это поколение преимущественно ориентировано на включение в формирующееся глобальное мировое сообщество, институциональная среда и в меньшей мере ценностно-нормативная система которого генеалогически восходят к западной цивилизации. По данным ВЦИОМ, поколение 18–23-летних ориентировано на индивидуалистический жизненный проект – общество успеха (64 %), в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости и равенства (36 %) [37, с. 269].

Власть предлагает обществу идеологию, которая была связанная с героическим прошлым, того времени, когда у нас была «великая эпоха». Генри Форд так писал по этому поводу: «Мы хотим жить в настоящем, и единственная история, которая хоть что-то значит, – это та, которую мы делаем в данный момент» [38, с. 26]. Все великое в прошлом свидетельствует об исчерпанности традиционной эсхатологии, что внушает умеренный, оптимизм в отношении возможных сценариев российской истории.

Как повлияла модернизация на социокультурное развитие нашего общества? Проведенное исследование «Самоидентификация россиян в начале XXI века» показало, что незначительное меньшинство населения нашей страны действительно является выразителем тех черт,

которые считаются исконно русскими. Т. Кутковец и И. Клямкин считают это меньшинство приверженцем типа государственности, который получил название «русской системы». Основные ее характеристики: сильная единоличная власть, патернализм, закрытость страны от внешнего мира, доминирование государственных интересов над личными, великодержавные амбиции [39, с. 374–394].

Развитие российского общества медленно, но уверенно движется в сторону, противоположную традиционализму. Примером тому может служить современная социальная система, которая в своей основе отвергает отношение к себе как к пассивному, инертному объекту государственного управления и опеки, и декларирует желание и способности к самостоятельной и ответственной инициативной деятельности. Претерпевают изменения и традиционалистские взгляды, рассматривающие россиян как глубоко религиозный, православный народ. Согласно данным того же исследования, сегодня необыкновенно популярны идеи протестантизма. Данные опроса свидетельствуют, что россияне, соотнеся православную мироотреченность с ценностями земной жизни, все чаще делают выбор в пользу последних.

После столетий общинного и государственного коллективизма наметился сдвиг в сторону индивидуализма с его приоритетом личных интересов над коллективными. В России изменилось отношение к частной и государственной собственности. Отсутствие привязанности к владению частной собственностью стало приметой «минувших дней». В обществе обнаруживается доминирование модернистских установок, наблюдается ломка старых стереотипов, давно сложившихся ценностей социально-экономической и политико-идеологической реальности.

Современная модернистская позиция не является жесткой антитезой традиционной, она скорее выступает как естественная трансформация взглядов во времени, и развития в соответствии с требованиями окружающего мира и всей социальной системы. На протяжении XX столетия в России формировался и сформировался качественно иной, чем прежде, народ. Это не результат воспитания и пропаганды, а фактор смены ценностей.

Несмотря на критичность и неприятие частью населения предпринимательства и предпринимателей первые постперестроечные годы, сегодня каждый третий гражданин РФ (31 %) желает заняться предпринимательской деятельностью, а 14 % уже занимаются ею, т.е. почти 50 % населения активно участвуют или готовы участвовать в рыночных отношениях [40, с. 70–82]. Можно констатировать реальное существование реальной разобщенности между населением и предпринимателем, на которого возложена большая ответственность за развитие экономики страны.

Модернизация как фактор социокультурного развития является процессом длительным и чрезвычайно сложным, что обусловлено психологическими особенностями адаптации к изменяющемуся миру, новой социальной среде и трансформации базовых ценностей.

История российской модернизации – это история реформ, революций и перестроек. Специфика развития России состоит в том, что доминантой социальной интеграции выступает государство, задающее обществу единый универсум и нормативно-ценностный порядок. Теоретически это объясняется фактором «догоняющего развития», идеалы которого задавались ушедшими вперед в технологическом отношении странами Запада, или сконструированными моделями устройства общества. Провалы с реализацией новаторских идей, как правило, власти связывали с деятельностью консерваторов или догматиков. Время осуществления модернизационных проектов в отечественной науке получило название «социокультурного раскола».

Исторический опыт российской модернизации показывает, что модернизационные (национальные) проекты должны соответствовать социокультурному пространству, в котором они осуществляются. Если инновации не воспринимаются как необходимые и конструктивные, это может вызвать всплеск социальной агрессивности части населения и стремление возвратиться к привычному порядку вещей. Проекты могут быть успешно реализованы только легитимной властью, которая в состоянии согласовать ценностные ориентиры различных групп общества.

В заключение отметим, что говорить сегодня о доминировании какой-либо парадигмы еще рано. Реформаторские процессы, начавшиеся 15 лет назад, в России еще не завершились. Наряду с переменами в социально-экономической и политической жизни, продолжается пересмотр ранее устоявшихся ценностей и установок. Развитие этого процесса протекает неравномерно, то ускоряясь, то замедляя. Причина такого явления в насильственном воздействии власти на общество в период коммунистических преобразований и в конце восьмидесятых, когда сознание советского человека трансформировалось в западные либеральные ценности.

Ссылки:

1. Тарнас С. История западного мышления. М., 1995.
2. Луман Н. Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. М., 2005.
3. Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Политические исследования. М., 1997. № 3.

4. Пивоваров Ю.С. Русская история как «Русская идея». Часть II // Россия и современный мир. 2003. № 3.
5. Белинский В.Г. Петербург и Москва // Современные записки. М., 1983.
6. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5.
7. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2004.
9. Там же.
10. Силкина Н.В. Влияние национального менталитета на развитие предпринимательской деятельности в России // Православие и Россия. Прошлое, настоящее и будущее. Томск, 1998.
11. Грошев И.В. Экономические реформы России через призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6.
12. Великий лентяй или великий затейник: готов ли русский человек к рынку? // Хохряков Г. Русские. Кто мы? М., 1993.
13. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920–23.
14. Карпачев М.Д. Реформы в исторической судьбе России // «Морским судам быть...»: Российскому военно-морскому флоту – 300 лет. Воронеж, 1996.
15. Палагубин В.К. Реформы Петра 1: цели и результаты // Воронеж – колыбель российского военно-морского флота. Воронеж, 1996.
16. Ясин Е.Г. Прелюдия // Знание – сила. 2001. № 2.
17. Булыгин И.А. Законодательство о крестьянской торговле в России XVII – 60 гг. Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М., 1991.
18. Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / пер. с фр. А. Бабича (главы IV–XI) и М. Розанова (главы I–III). М., 1998.
19. Геллер М.Я. История Российской империи: В 3 т. М., 1997.
20. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000.
21. Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989.
22. Вебер М.К состоянию буржуазной демократии в России // Рубежи. 1997. № 5 (20).
23. Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М., Оренбург, 2001.
24. Блок М. Феодалное общество // Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. с фр. Е.М. Лысенко. М., 1986.
25. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000.
26. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.
27. Голубев А.В. «Мировая республика» или «закрытое общество»: СССР в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2003. № 3.
28. Бондарев Г.А. Ожидающая культура. М., 1996.
29. Пивоваров Ю.С. Русская история как «Русская идея». Часть II. Властечетричные и идеологические основания // Россия и современный мир. 2003. № 3.
30. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...» СПб., 1992.
31. Устрялов Н.В. В борьбе за Россию // Литература русского зарубежья. Антология. 1920–1925 гг. М., 1990. Т. 1. Кн. 1.
32. Ясин Е.Г. Прелюдия // Знание – сила. 2001. № 2.
33. Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историко-софские очерки. М., 1997.
34. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. М., 2001.
35. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
36. Ильин И.А. О России. М., 1991.
37. Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М., 2001.
38. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002.
39. Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране и Новые люди в старой системе. Россия между вчера и завтра. Книга первая. Экспертные разработки. М., 2003.
40. Биматов М. Предприниматели – это люди, умеющие принимать взвешенные решения // Современный предприниматель. 2009. № 1.